

ФОРТИФИКАЦИЯ ЧУГУЕВСКОГО ГОРОДИЩА

За всю историю археологических исследований салтовских древностей памятникам, расположенным в черте современных городов, уделялось незаслуженно малое внимание. Это связано, прежде всего, с объективно возникающими трудностями урбанистической археологии: ограниченностью доступных для исследования площадей, во многих случаях значительными нарушениями культурного слоя и его залеганием под мощными отложениями современной хозяйственной деятельности, препятствиями со стороны коммунальных служб и собственников земельных участков. Перечисленные факторы, естественно, оттачивают исследователей. Это не может не приводить к искажению наших представлений о прошлом, сложению необъективной оценки социально-культурных процессов прошлого целого региона. В нашем случае исследованиями в г.Чугуеве и на прилегающей к нему территории выделено до того неизвестное “гнездо” салтово-маяцких селищ с общим ядром – городищем. Это, в свою очередь, позволило скорректировать представления о процессах освоения северскодонского региона в раннем средневековье в целом и выявить новые конструктивные особенности фортификационной архитектуры лесостепных салтово-маяцких городищ в частности.

Использование территории городища в исторической ретроспективе

На территории, которая прилегает к современному г.Чугуеву и непосредственно в его границах, человек появляется с эпохи неолита. На окружающей местности также выявлены поселения бронзового и раннего железного веков, черняховской и пеньковской археологических культур (Шрамко Б.А. и др., 1977, с.137, 138). Заселение непосредственно

исторического центра г.Чугуева, согласно археологическим данным, относится ко времени раннего средневековья, а именно к сер.VIII – нач.X века. В этот период возникает Чугуевское городище, вокруг которого располагается ряд поселений, образуя “гнездо” салтово-маяцких памятников (Свистун Г.Е., 2006б).

Изменение политической ситуации, связанное с упадком Хазарского каганата, приводит и к прекращению жизнедеятельности на подавляющем большинстве салтово-маяцких поселений, расположенных в лесостепной зоне р.Северского Донца. С конца XVI в. вынашиваются намерения отстроить Чугуевское городище как стратегически важный пункт для контроля территории, прилегающей к Белгородской засечной черте. В 1596 г городище было обследовано царскими изыскателями, доложившими в Разрядный приказ, что городище “некрепко и неудобно” (Разрядная книга..., 1966, с.500, 501). В “Росписи польским дорогам” упоминается приказ царя Фёдора Иоанновича, в котором повелевалось “город поставить на Донце, на Сиверском, на Чугуевом городище” (Багалея Д.И., 1886, с.4). В 1626 г царь Михаил Фёдорович снова пишет воеводе князю Тюфякину: “Послал бы служилых, жилецких и прочих людей, стрельцов, казаков на Чугуево, земляные и деревянные крепости велел бы поделать... и тем людям роспись” (Хлебников Б.В., 1893, с.23). Городище упоминается в “Книге Большому Чертежу”, датированной 1627 г (Книга Большому Чертежу, 1950, с.71). Данный источник отражал, прежде всего, потенциально стратегически важные объекты, среди которых нашло свое место и Чугуевское городище.

Возобновление функционирования крепости позволяло решить первоочередную стратегическую задачу, изложенную в “Грамоте из разрядного приказа тульскому воеводе И.Черкасскому...” (получена адресатом

10 августа 1638 г), касающуюся поселения выходцев “из литовские стороны” во главе с гетманом Яцком Острининым (Яковом Остринином): “...тех черкас велим устроить на Чюгуеве городище всех в одном месте, и по вашей мысли в одном месте устроить их мочно для того, как они будут блиско Муравские сакмы, и нашему делу чаять прибыльнее и от татарсково приходу остерегательнее. И безвестного приходу царя и царевичей, и больших воинских людей на Украину тою Муравскою сакмою не чаять потому, что они сядут блиско Муравские сакмы” (Воссоединение Украины с Россией, 1953, с.248). И, хотя изначально рассматривался альтернативный вариант поселения черкас на Карповом сторожевье, находящемся к Муравскому шляху, к границе с Речью Посполитой и к административному центру Белгороду ближе, ввиду спорной принадлежности данной территории и, учитывая пожелания переселенцев, выбор был сделан в пользу Чугуевского городища.

Таким образом, основными факторами заселения памятника в XVII в. стали: возможность постоянного контроля передвижения неприятеля на прилегающей территории по стратегически важным сухопутным дорогам и речным переправам, экономическая привлекательность свободных земель и угодий, выгодный в фортификационном отношении рельеф.

Силами отряда украинских казаков под предводительством Якова Остринина на раннесредневековых развалинах салтово-маяцкого городища в конце 1638 г было начато строительство деревоземляной крепости. Руководство строительством было возложено на дворянина Максима Лодыженского. Ему принадлежит описание непосредственно городища и прилегающей к нему местности, осуществлённое в октябре 1639 г и дающее некоторое представление о рассматриваемой территории в указанное время: “около города по мере 502 сажени. А горою вниз до реки Донца 30 сажен, а с другой стороны от долу вверх 40 сажен, а с 3-ю сторону 12 сажен, а с 4-ю сторону пришло место плоское”. К этому времени уже были возведены надолбы “около города и посаду” и шёл процесс заготовки строительной древесины “на острожное дело... в отрубе 8 вершков” (Воссоединение Украины с Россией, 1953, с.295).

В декабре 1640 г в строельных книгах отмечено, что “на Чюгуеве” возведен острог, имевший 6 башен, между которыми поставлен острог общей длиной 422 сажени. Также сообщалось о постройке порохового погреба со вставленным в него дубовым срубом в четыре сажени (Воссоединение Украины с Россией, 1953, с.295). Крепость на протяжении своего функционального использования достраивалась и перестраивалась, о чём свидетельствуют изменение количества башен (имеются разновременные сведения о восьми и девяти башнях), длина периметра обороны и др. В плане позднесредневековая крепость представляла собой близкую к прямоугольнику форму с размерами 120×115 сажень (около 256×245 м), укреплённую рвом (с трёх сторон, кроме восточной, обращённой к пойме Северского Донца) и другими инженерными сооружениями. Крепость имела тайный ход к колодцу с водой, устроенный у восточного подножия мыса. За время эксплуатации крепости отмечались обрушения тайного хода, его перестройка, а также эрозийные процессы, приводившие к обрушениям фортификаций в северо-восточной части крепости со стороны Северского Донца. Внутри укреплений также располагались административные и хозяйственные строения: соборный храм, дома воеводы и других администраторов и священнослужителей, приказная изба, кружечный двор, таможня, хлебный, соляной и уже упоминавшиеся выше пороховые “магазейны” (склады) (Бучастая С.И. и др., 2009, с.616-620). Археологическими исследованиями на территории городища, помимо прочего, были выявлены жилища первопоселенцев, представлявшие собой небольшие землянки (“землянухи”) на одного человека (Свистун Г.Е., 2010, с.343-346).

К концу 1-й трети XVIII в. в силу дальнейшего укрепления южных границ Российской империи Чугуевская крепость в основном теряет свое стратегическое значение и в соответствии с реестром крепостей 1729 г фортификация была переведена в разряд иррегулярных (Ласковский Ф., 1865, с.9-19). После разгрома Крымского ханства Россией в 1783 г крепость подверглась уничтожению за ненадобностью. На карте города 1824 г отмечен лишь оставшийся крепостной ров, который в 20 гг XIX в. был окончательно засыпан ви-

ду масштабных строительных преобразований на территории города (Свистун Г.Е., 2005, рис.20). В воспоминаниях очевидца коренной реконструкции города А.В.Никитенко читаем: “Всё... было перевернуто вверх дном. Везде суматоха, постройка новых зданий. Прокладывались новые улицы, старые подводились под математические углы; неровности почвы сглаживались: не говоря уже о горах и пригорках, была срыта целая гора, с одной стороны замыкавшая селение. Но всё это еще только начиналось или было доведено до половины” (Никитенко А.В., 1904, с.102-104).

После реконструкции застройки на Чугуевском городище появились масштабное здание Штабов военных поселений и другие хозяйственные и административные строения.

В течение XIX – нач.ХХI в. на территории городища (с западной стороны) была проложена улица Каляева, и произведена застройка жилыми домами и хозяйственными постройками, проводились и продолжают проводиться коммуникации различного назначения. Во 2-й пол.ХХ в. в центральной части городища был установлен значительный по размерам памятник В.И.Ленину (котлован фундамента составлял куб размерами 10,0×10,0×10,0 м), а также сnivelирован северо-восточный угол мысовой площадки для сооружения Ростовской автодороги и постройки частных гаражей.

В настоящее время почва восточного участка городища подвергается интенсивным эрозийным процессам. В пойму Северского Донца почти ежегодно происходят обрушения, разрушая и оголяя мощные культурные отложения. Так, в 2009 г в точке, находящейся к востоку относительно памятника В.И.Ленина, с обрыва рухнула часть сооружения, возведённого из песчаника. Некоторые из камней имели следы обработки, характерные для блоков оборонительных сооружений салтово-маяцких городищ северскодонского региона. Именно на этом участке предполагалось нахождение раннесредневековой линии обороны.

Наиболее полно и документально точно древнюю топографию городища (до масштабных изменений, произошедших во 2-й пол.ХХ – нач.ХХI в.) передает сохранившееся фото, сделанное с борта немецкого военного самолета около 1941-1943 гг (рис.6). На снимке под косыми утренними лучами солнца просматри-

ваются остатки оборонительных сооружений (рвы, эскарпы, старинный въезд, старинные обвалы в месте расположения скрытого хода к колодцу с водой и пр.) как раннего, так и позднего средневековья, что позволяет сделать чёткую привязку к современной территории существовавших разновременных фортификаций. В частности, на основании получаемых благодаря приведенному снимку данных чётко обозначаются на местности северный и южный рвы крепости XVII-XVIII веков. Также остатки эскарпов с восточной стороны мысовой площадки свидетельствуют об укреплении таким способом в раннесредневековый период всей восточной части городища – от северо-восточного угла, включая ныне сnivelированный под строительство Ростовской автодороги выступ, в южном направлении общей протяжённостью не менее 375,0 метров.

Несмотря на то, что памятник археологии находится в государственном реестре с 1972 г, а в 2007 г разработаны и утверждены охранные зоны, городище продолжает интенсивно разрушаться вследствие природных и антропогенных факторов. Проведение же археологических исследований, прежде всего превентивного характера, затруднено не только отсутствием финансирования, но и ввиду сопротивления со стороны местной администрации.

История изучения городища и наиболее ранние сведения о памятнике

Городище в разное время осматривал ряд исследователей, которые производили его культурно-хронологическое и военно-стратегическое определения. Наиболее ранняя попытка осмысления Чугуевского городища принадлежит В.В.Пассеку (1840, с.197-199). Он изначально верно определил стратегическую направленность фортификации, указав, что крепость была призвана контролировать проникновение противника с левого на правый берег Северского Донца. В этом отношении крепость выполняла ту же роль, что и ряд других городищ (таких как Белгородское, Кодковское, Гумниня и Мохначанское), находящихся выше и ниже Чугуевского вдоль правого берега Северского Донца (Хлебников Б.В., 1893, с.25). Вхождение Чугуевского городища

наряду с другими салтово-маяцкими крепостями, расположенными вдоль русла Северского Донца, в общую систему обороны Салтовской земли было подтверждено дальнейшими исследованиями (Свистун Г.Е., 2006б; 2007а).

Более подробные сведения, касающиеся характера укреплений и культурных отложений Чугуевского городища, содержатся в труде Филарета (Д.Г.Гумилевского) «Историко-статистическое описание Харьковской епархии» (Филарет, 2005, с.171-173), а также в «Дополнениях к Актам историческим, собранным и изданным археографическою комиссиею» (1875, с.291) и др. В частности, в одном из архивных документов отмечаются находения отдельных артефактов, позволяющих составить определённое представление о характере культурных напластований и архитектурных особенностях фортификационных сооружений, культурных отложениях, природном окружении. Например, сообщается о том, что «...при разрытии крепостного вала находим был дикой камень и кирпич, вероятно остатки древней каменной стены, которая видна была еще в Гомольше. Во время описания рек, в одно время при вынугии дикого камня чугуевским чиновником для постройки погребя, у подошвы земляного вала, найдена была серебряная медаль с изображением на одной стороне Римского императора в обыкновенном венке, а с другой стороны женской фигурой, державшей весы, и надпись по латыни (соподiа Augusta) прочее стерлось» (Статистическое описание..., 1835). В связи с нашей темой особый интерес представляют сведения относительно находимых строительных материалов – диком камне (под диким камнем обычно подразумевался песчаник) и кирпиче, а также соотношении обнаруженных архитектурных элементов с остатками фортификаций Сухогомольшанского городища. Его культурная принадлежность ныне установлена как салтово-маяцкая (Афанасьев Г.Е., 1987, с.110, 111). Филарет, в свою очередь, отмечает, что на последнем этапе существования Чугуевской крепости в XVIII в. её укрепления в нижней части состояли из кирпича (Филарет, 2005, с.171).

Также находим сведения, что «река Донец протекала по-над самую крепостью, из которой на том месте, где теперь дом корпусного командира, сделаны были покрытые ходы, для

воды к реке на осадное время, и коих развалины можно было видеть еще лет за 45...» (Статистическое описание..., 1835).

Не обошёл своим вниманием древности Чугуева и Д.И.Багалея. В «Объяснительном тексте к Археологической карте Харьковской губернии» он обобщает известные на тот период сведения относительно находок древних вещей на территории города, но, тем не менее, не упоминая непосредственно само городище (Багалея Д.И., 1905, с.32).

Определённые теоретические построения относительно культурно-хронологической интерпретации Чугуевского городища предпринимались видными археологами во 2-й пол.ХХ в., среди которых, в первую очередь, следует назвать С.А.Плетнёву. Исследовательница, производившая в 1957 г. тотальные разведки вдоль русла Северского Донца, проверяла, помимо прочего, сведения «Книги Большому Чертежу», в которой упоминается и Чугуевское городище (Книга Большому Чертежу, 1950, с.71). Осмотрев мыс, на котором расположено городище, ей не удалось обнаружить никаких признаков раннесредневековых сооружений или хотя бы обломков керамических сосудов. В результате был сделан вывод о полном уничтожении городища позднейшими перестройками (Плетнёва С.А., 1957, с.8, 9).

Тем не менее, тему Чугуевского городища С.А.Плетнёва затронет 18 лет спустя, осторожно предположив отождествление Чугуевского городища с летописным городом Шаруканью (Плетнёва С.А., 1975, с.270). Еще 15 лет спустя в своей работе, посвящённой половцам, исследовательница повторит выдвинутое ею предположение более уверенно, но, тем не менее, продолжая акцентировать внимание на невозможности его перепроверки (Плетнёва С.А., 1990, с.62). Она предполагала, что основным населением Шарукани было аланское (салтовское) население со своим князем, оставшееся после падения Хазарского каганата. Половцы же ограничивались признанием своего владычества над этим городом и лишь ставили возле него свои вежи (Плетнёва С.А., 1975, с.270, 271).

Несмотря на фактическое отсутствие материалов археологических исследований, Чугуевское городище было нанесено Б.А.Шрамко на карту памятников скифского

времени бассейна Северского Донца (Шрамко Б.А., 1962, с.136, рис.1), оснований чему не существовало. Также в сознании общественности довольно прочно утвердилось мнение о древнерусской принадлежности памятника (История городов и сел..., 1976, с.627). Именно с такой культурно-хронологической интерпретацией Чугуевское городище было внесено в реестр и справочник археологических памятников в Харьковской области (Шрамко Б.А. и др., 1977, с.138).

Первые археологические шурфовки в районе расположения городища произведены в 1996 г археологической экспедицией под руководством Л.И.Бабенко (1996). Всего было заложено три разведочных шурфа в районе предполагаемого размещения Чугуевского городища. Результатом проведённых работ стало выявление культурных слоёв, относящихся к двум временным периодам – раннему и позднему средневековью. Раннесредневековый этап существования памятника был презентован артефактами салтово-маяцкой культуры. И никаких сведений, подтверждающих ранее выдвигаемые интерпретации относительно этнокультурной принадлежности городища (скифское и древнерусское).

Спустя восемь лет археологическими исследованиями данного памятника и прилегающей к нему территории занялся автор этих строк. Результатом проведённой работы стали: фиксация нового “гнезда” поселений салтово-маяцкой культуры; уточнение границ уже известного городища и окружавших его поселений; частичная привязка к существующей местности оборонительных сооружений как раннего, так и позднего средневековья, выяснение их конструктивных особенностей; освещение вопросов, связанных с домостроительством выявленных временных горизонтов и т.п.

Всего на Чугуевском городище исследовано 476 м² культурного слоя. Кроме четырёх разведочных шурфов (три в 1996 г и один в 2005 г) (Бабенко Л.И., 1996; Свистун Г.Е., 2005, с.26, 27), на памятнике было заложено три раскопа – раскоп 1 в северо-западной части городища, где исследовались, главным образом, оборонительные сооружения (2005-2007 гг) (Свистун Г.Е., 2005, с.23-26; 2006а, с.10-15; 2007б, с.9-11); раскоп 2 в юго-западной части, где были выявлены остатки разно-

временной жилой застройки (2006 и 2007 гг) (Свистун Г.Е., 2006а, с.16-30; 2007б, с.12-48), и раскоп 3 (2009 г) в центральной части, где исследованию подверглись в основном остатки внутренней застройки археологического памятника различных исторических периодов (Свистун Г.Е., 2009а, с.7-80) (рис.3).

Архитектурно-пространственная характеристика крепости

Чугуевское городище расположено на останцеобразном возвышении высокого правого берега Северского Донца, известном как Чугуевская гора (рис.2). С восточной и южной сторон горы расположена пойма Северского Донца, с северной – приток Северского Донца р.Чуговка, с западной – по глубокому оврагу протекает ручей Берёзовый, впадающий в Чуговку. Гора имеет общее понижение в северном направлении с перепадом высот, составляющим около 38 метров. На Чугуевской горе и на соседних высотах, а также на левом берегу располагался ряд салтово-маяцких селищ, образующая “гнездо” поселений. Одно из поселений примыкало к Чугуевскому городищу с южной стороны, образующая посад.

Чугуевское городище занимает мысовую площадку в северо-восточной части Чугуевской горы, отделённую от основного массива глубоким оврагом, расположенным с западной стороны. С южной стороны мыс имеет слабо выраженную седловину. Высота мысовой площадки, которая была использована под возведение оборонительных сооружений, составляла 30-37 м над уровнем поймы Северского Донца (от северного края до седловины). На сегодняшний день после разновременных перепланировок рельефа мыс в плане имеет трапециевидную форму. Его площадь по подножию составляет около 21 га, по верху – около 14 гектаров. С северной стороны мыс обращён к пойме р.Чуговки, с восточной – к Северскому Донцу.

В районе Чугуевской горы русло Северского Донца образует круглую петлю, разбиваясь на множество рукавов, чему способствует, главным образом, впадающая в него р.Большая Бабка, привносящая много рыхлых субстанций (рис.1). В итоге в районе Чугуевской горы Се-

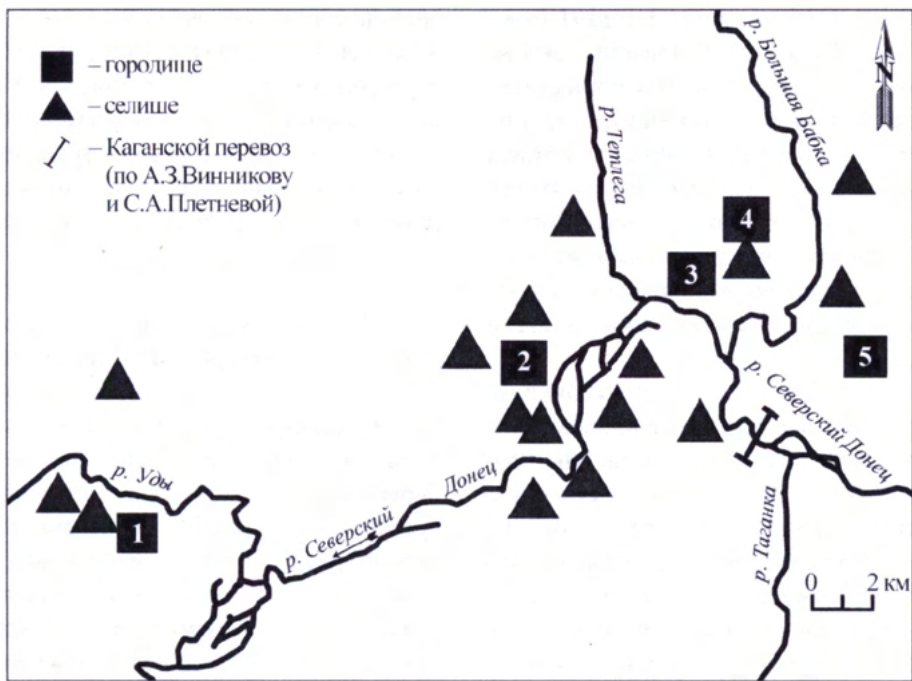

Рис. 1. Карта салтово-маяцких поселений в районе Чугуевского городища: 1 – Кабаново городище; 2 – Чугуевское городище; 3 – городище Кочеток-I; 4 – городище Кочеток-II; 5 – Кицевское городище.

Fig. 1. The map of the Saltov-Maiaki settlements around the Chuguiev hillfort: 1 – Kabanovo hillfort; 2 – Chuguiev hillfort; 3 – Kochetok-I hillfort; 4 – Kochetok-II hillfort; 5 – Kitsevka hillfort

верский Донец, огибая по левому берегу большие песчаные площади, образует многочисленные рукава, протоки и озерки, изменяя со временем своё основное русло (Природа и население..., 2007, с.14-15). В настоящее время левый берег засажен хвойным лесом. Естественный же ландшафт левобережья был свободен от лесных насаждений, и прилегающая с левого берега территория просматривалась с Чугуевского городища под широким углом на большие расстояния, позволяя заблаговременно узнавать о приближении неприятеля. Даже ныне поверх леса хорошо просматриваются территории в районе пгт Кочеток с расположенным там Кочетокским городищем и вплоть до Бубонистой горы в районе с.Кицевка, на которой находилось Кицевское городище. Все эти фортификационные пункты, включая и Чугуевское городище, располагались у переправ через Северский Донец, наиболее известной из которых является упомянутая в Книге Большому Чертежу под названием Каганской

перевоз. Она находилась ниже по течению Северского Донца от впадения в него р.Таганка, именуемой в Книге Большому Чертежу как Каганской колодезь. По-видимому, данная переправа имела особое значение, так как указывается, что именно через неё проходила дорога вглубь степной зоны к Цареборисову (Книга Большому Чертежу, 1950, с.71) – на период кон.XVI – нач.XVII в. наиболее южному русскому форпосту в Диком Поле.

Таким образом, на данной территории, образованной широкой излучиной Северского Донца, использовался взаимоконтроль подходов к салтовским городищам со стороны левого берега, исключая фактор внезапности и обеспечивая надежный контроль имевшихся здесь переправ.

Ввиду того, что оборонительные сооружения в процессе застройки городской территории почти полностью были сnivelированы, границы памятника и систему организации его обороны на данном этапе исследования

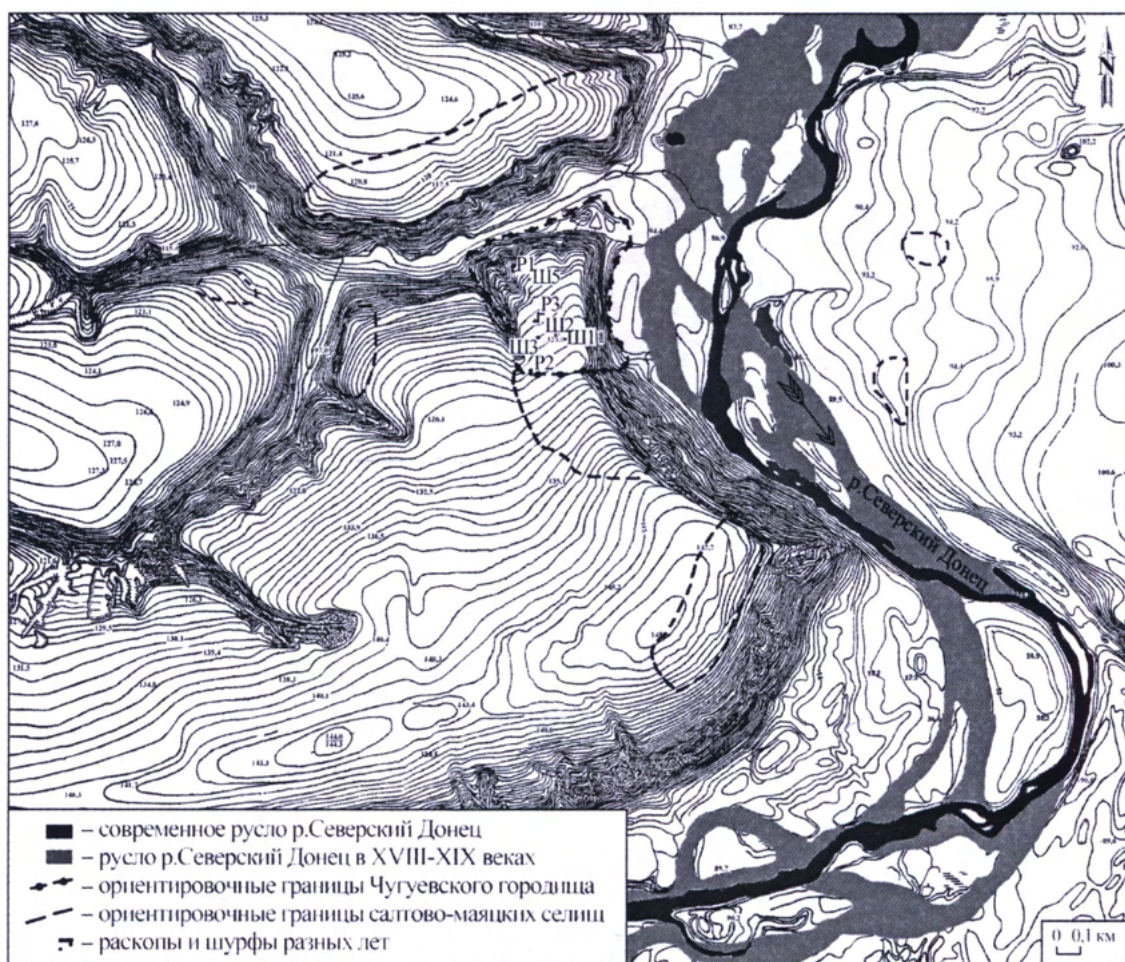

Рис. 2. Карта Чугуевского “гнезда” поселений.
 Fig. 2. The map of the Chuguiev “nest” of settlements

можно лишь предполагать. Учитывая рельеф местности, его защитные характеристики, возможный въезд на городище располагался с северо-восточной стороны, чем обеспечивался выход к реке по пологому спуску, снесённому во 2-й пол. XX века. Существовал ли проход в оборонительных сооружениях городища с юга – со стороны поля – к прилегающему к нему одновременному селищу, не известно. Анализ систем обороны на других салтовских городищах свидетельствует, что такие выходы устраивались не всегда. Наглядным примером могут служить исследования на Мохначанском городище, где с целью выяснить устройство воротного проёма, соединявшего наиболее укреплённую южную часть мысовой площадки с внешним обширным двором, был заложен раскоп. В ходе проведённых раскопок выясни-

лось, что в салтовское время предполагаемого проёма не существовало, а разрыв в оборонительной линии вала был устроен позднее, вероятно, не ранее позднесредневекового периода (Колода В.В., Свистун Г.Е., 2001, с.7, 8, табл. XIV-XVI).

На основании письменных, картографических и фотографических источников, характеризующих топографические особенности мыса, а также полевых наблюдений за микро-рельефом (Свистун Г.Е., 2007, с.51, 52, рис.228, 229) (рис.3-7) возможно предположить, по крайней мере, наличие двух раннесредневековых линий обороны. Первая из них состояла из цитадели, располагавшейся в северной части мысовой площадки. На сегодняшний день её остатки прослежены в северо-западной части мыса и исследовались с помощью раскопок

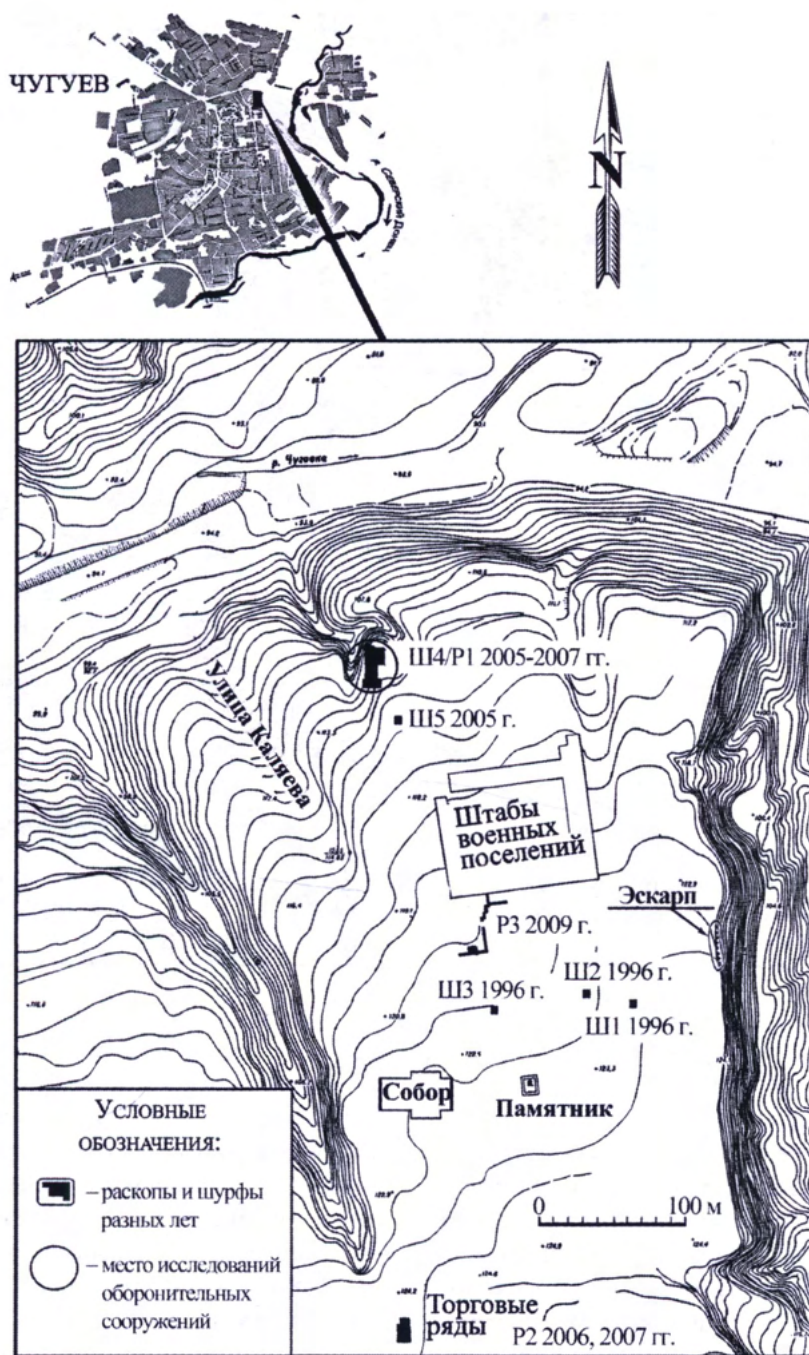

Рис. 3. Современный план Чугуевского городища с раскопами разных лет.
 Fig. 3. The modern layout of the Chuguiev hillfort with excavation sites of different years

(раскоп 1) (о конструктивных особенностях этой линии будет сказано ниже). Вторая линия проходила, по-видимому, в районе седловины по линии восток – запад и далее вдоль глубокого оврага с западной стороны мыса. Со стороны поймы Северского Донца линия обороны

проходила по краю мысовой площадки, ограничивая доступ со стороны спуска к пойме, ныне на большой протяжённости подвергающегося прогрессирующей эрозии, и который в древности был более пологим. С этой стороны сохранился небольшой участок оборони-

Рис. 4. Вид Чугуевского городища с северной стороны. Фото 70 гг XX в. из фондов Художественно-мемориального музея И.Е.Репина.

Fig. 4. A view of the Chuguiev hillfort from the north. Photo of 1970s from the collection of I.Ye. Repin Arts and Memorial museum

тельных сооружений (около 15,0 м в длину), состоящий из эскарпа и размещённого по его верхнему краю вала с каменными кладками и керамическим бруствером. Ширина горизонтальной и вертикальной плоскостей эскарпа составляют около 4,0 м каждая. Подобным образом решались вопросы обороны со стороны поймы реки на Кабановом городище (Свистун Г.Е., 2008, с.8-10, рис.1, 3).

В итоге на основании имеющихся у нас данных можно предположить, что Чугуевское городище, скорее всего, имеет черты, характерные одновременно для третьего и четвёртого типов, согласно разработанных Г.Е.Афанасьевым типологических признаков для лесостепных салтовских городищ (Афанасьев Г.Е., 1987, с.88-132). С третьим типом рассматриваемое нами укрепление сближает конструкция оборонительных сооружений, представляющих собой вал с каменными крепидами. С четвёртым типом его сближает вероятная подпрямоугольная планировка линий обороны, хотя, как ещё раз отметим, расположение линий обороны на Чугуевском городище определено во многом предположительно на основании косвенных данных. В то же время крепость, ограниченная территорией мысовой площадки по естественным природным рубежам, выделяется свои-

ми относительно большими размерами среди массы других лесостепных городищ. С другой стороны по указанным границам мысовой площадки проходила, по всей видимости, вторая, внешняя линия обороны. Площадь же первой линии – цитадели, равно как и конфигурация в плане, на настоящий момент не известны. В пользу её правильной геометрической планировки говорит лишь фиксация одного из углов. Поворот трассы линии обороны и расположение её не по краю природного препятствия возлагало основную оборонительную нагрузку непосредственно на возведённые укрепления, что является отличительной чертой городищ четвёртого типа.

Следует также обратить внимание на отсутствие на исследованном углу цитадели башни. Данное обстоятельство характерно для организации обороны известных лесостепных северскодонецких городищ и свидетельствует, скорее всего, о подготовке к возможной осаде, не предполагающей штурма укреплений. В ожидании вероятного штурма обычно устраивались выступающие за основной периметр линии обороны башни, призванные обеспечить фланкирующий обстрел неприятеля вдоль оборонительных сооружений крепости. Тем самым косвенно подтверждается, что ве-

Рис. 5. План Чугуевского городища 1814 г. Архив Художественно-мемориального музея И.Е.Репина.

Fig. 5. The layout of the Chuguiev hillfort of 1814. Archive of I.Ye.Repin Arts and Memorial museum

роятным ожидаемым противником для салтовского населения могли быть воинские отряды кочевников, предпочитавших штурму или долговременной осаде быстрые, краткосрочные военные операции (Свистун Г.Е., 2007а, с.56).

Северо-западный участок обороны цитадели

Остатки оборонительных сооружений раннего средневековья в северо-западном секторе Чугуевского городища исследовались путём вскрытия конструктива с поперечными и продольными разрезами профилей на площади 156,5 м² (рис.8). Площадь, равная 4,5 м²,

находящаяся внутри раскопа, не исследовалась в силу произрастающих на ней деревьев (Свистун Г.Е., 2005, с.23-26; 2006а, с.10-15; 2007б, с.9-11). Как показали результаты исследований, часть фортификаций в пределах раскопа была разрушена перекопами XVII-XX веков. Отдельные архитектурные составляющие сооружения прослеживались фрагментарно, что подтверждает сведения письменных источников о разборке кирпичных и каменных кладок для нужд населения в XVII-XIX веках. Тем не менее, вскрытые площади позволили выяснить характер оборонительных сооружений и их конструктивные особенности, общие принципы построения обороны Чугуевского городища салтово-маяцкого периода.

Рис. 6. Аэрофотосъёмка Чугуевского городища (около 1941-1943 гг). Частный архив.
 Fig. 6. Air photography of the Chuguiev hillfort (ca. 1941-1943). Private archive

Рис. 7. Современный вид Чугуевского городища с южной стороны.
 Fig. 7. The modern view of the Chuguiev hillfort from the south

Стратиграфические профили свидетельствуют о том, что оборонительные сооружения были помещены на погребённую почву с предварительно выполненными грунтовыми

подсыпками с целью выпрямления строительной площадки, расположенной на краю мыса, во избежание сползания сооружения в расположенный по фронту ров (рис.9, 13). Послед-

ний сохранился фрагментарно, превратившись в яр, засыпаемый ныне мусором и служащий для отведения канализационных стоков современного города. На данный момент выяснить характер происхождения данного рва не представляется возможным – вырыт ли он под запланированную линию обороны, либо был использован существующий ранее овраг, подправленный строителями-фортификаторами в целях придания ему более подходящих оборонительных свойств. По нашему мнению, ров имеет, скорее всего, полностью искусственное происхождение и был устроен на участке перед пологим склоном, который использовался в качестве гласиса. Сама же линия обороны была устроена на относительно ровной верхней площадке мыса. Позднее, ввиду перекрытия естественного водостока выстроенными фортификационными сооружениями, прорытый ров начал подвергаться грунтовой эрозии, превращаясь в яр, – по нему устремлялись водные потоки с верхней мысовой площадки, имеющей понижение с юга на север. Нарушение естественных природных водостоков приводило к образованию промоин и яров, разрушению естественно сложившегося ландшафта местности. Напомним, что эрозийные процессы в районе Чугуевского городища при условии нарушения системы ливневой канализации активизировались и быстро прогрессируют в настоящее время. К тому же, безусловно, западный ров расширялся и подправлялся при сооружении позднесредневековой Чугуевской крепости.

На берме прослежена водоотводная канавка, прорытая вдоль линии оборонительного сооружения (рис.9). В поперечном профиле она имела форму неправильной полуокружности. Её ширина в верхней части варьировалась в пределах около 0,35-0,50 м на разных участках при глубине около 0,12-0,15 метра. Назначение данной канавки заключалось в отведении воды, препятствуя её прямому падению со склона эскарпа рва, тем самым предотвращая его разрушение. Аналогичная канавка прослежена в конструкции оборонительного сооружения четвёртой линии обороны Мохначанского городища (Колода В.В., 2000, табл. XXV, XXVII; Свистун Г.Е., 2001, с.118, 119, рис.1, 2). Такое же назначение имели ровики, но больших размеров, устраиваемые на горизон-

тальной площадке эскарпов, расположенных по краю мысовых площадок. Наиболее близкие территориально и аналогичные в культурно-хронологическом отношении ровики зафиксированы и изучены на восточном участке обороны, обращённом к пойме реки, уже упомянутого Мохначанского городища (Шрамко Б.А., 1953, с.12, 13, табл. VI; Плетнёва С.А., 1954, с.10), а также на северном участке обороны, обращённом к пойме реки, Кабанового городища (Свистун Г.Е., 2008, с.4, рис.3).

Раннесредневековое оборонительное сооружение, возведённое на верхней мысовой площадке, сохранилось в виде остатков каменной и кирпичной кладок с грунтовыми и щебневыми наслоениями и засыпками. Как видно из планиграфии вскрытого участка, исследованию был подвергнут фрагмент линии обороны в месте его поворота с направления север – юг в северном секторе на северо-запад – юго-восток в южном секторе раскопа (рис.8).

Внешняя кладка

На расстоянии около 1,5-2,0 м от внутреннего края водоотводной канавки была расчищена и изучена локально сохранившаяся (около 3,0 м в длину) кладка внешней облицовки вала оборонительного сооружения – крепиды или так называемая “одежда крутостей” (Афанасьев Г.Е., 1987, с.113) (рис.8, 10, 11). На остальных участках расположения кладки местами фиксировались углубления, образовавшиеся при изъятии камней (рис.9, 2). Конструктивное назначение данного архитектурного элемента фортификации – поддерживать грунтовую насыпь, препятствуя её сползанию в сторону рва, сохраняя при этом необходимый, заданный строителями, угол крутизны склона. Кладка состояла из песчаниковых блоков различной степени обработанности – рваных и достаточно хорошо обработанных до придания им формы, близкой к параллелепипеду. Наиболее стабильный параметр обработанных каменных блоков – высота. Она составляла 0,10 метра. Ширина данных строительных элементов достигала размеров 0,30×0,40 метра. Широкие постели имели в плане форму, приближённую к прямоугольнику или трапеции, и были пригнаны друг к другу по конкретным обстоятельствам конфигурации соприкасающихся

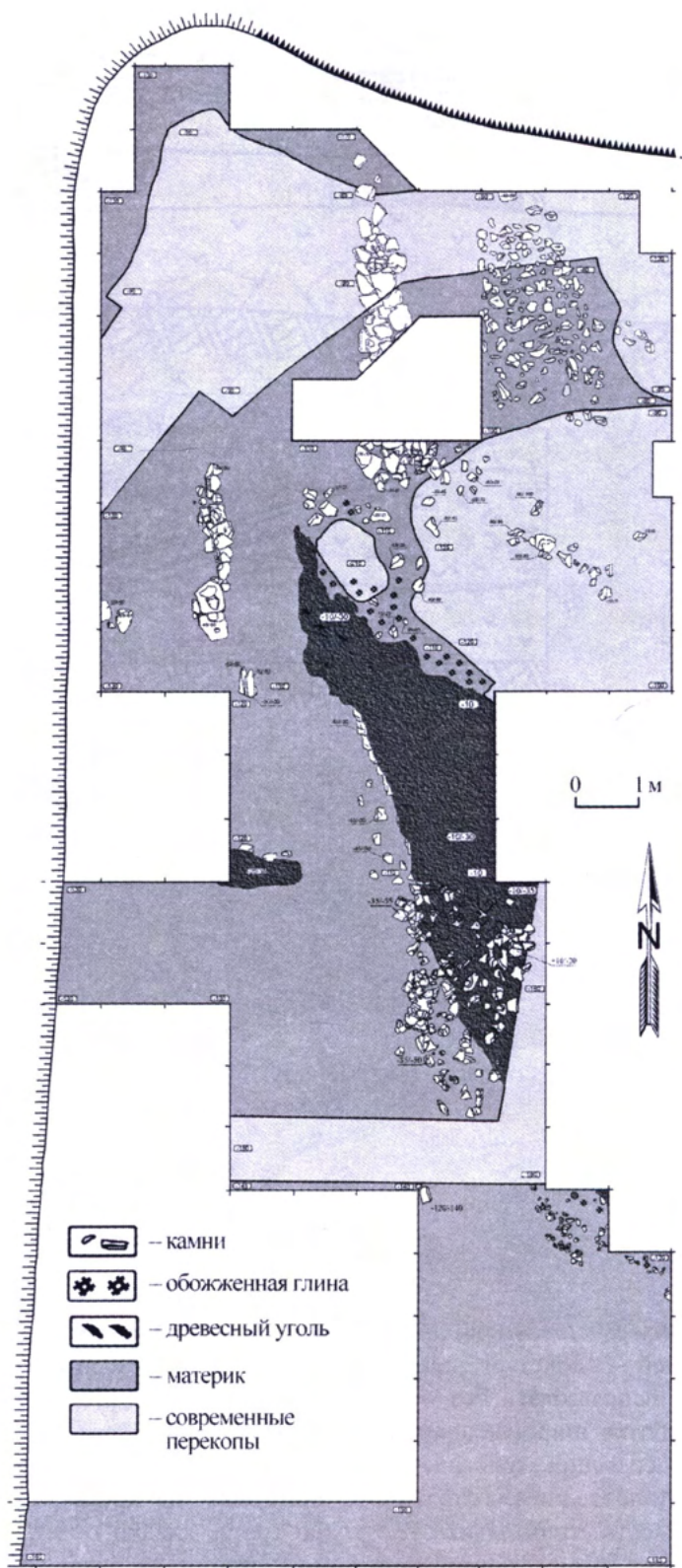

Рис. 8. План раскопа 1 на Чугуевском городище.
 Fig. 8. The layout of excavation site 1 at the Chuguiyev hillfort

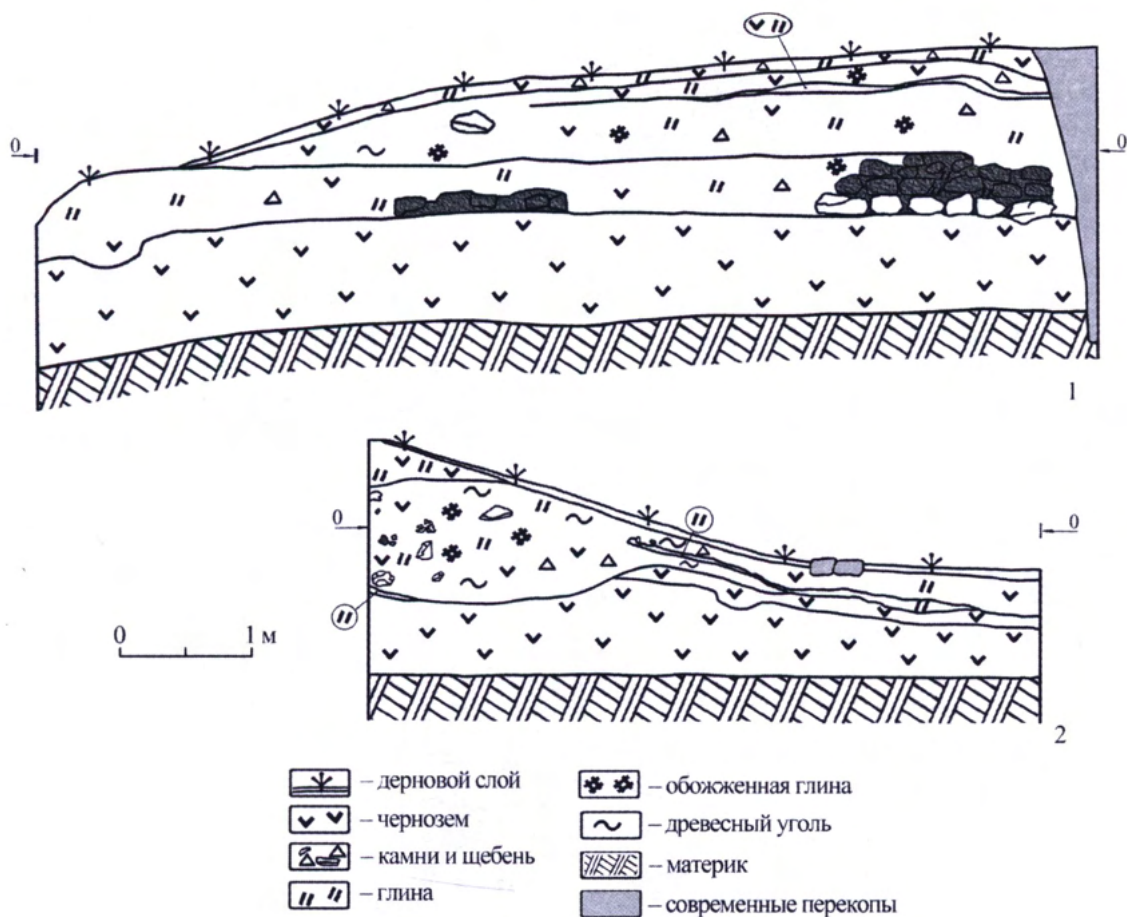

Рис. 9. Стратиграфические профили оборонительных сооружений Чугуевского городища: 1 – поперечный разрез внешнего ската вала по линии запад-восток; 2 – поперечный разрез внешнего ската вала по линии север-юг.

Fig. 9. Stratigraphical sections of defensive structures of the Chuguiev hillfort: 1 – the cross-section of an external slope of a rampart along the west-east line; 2 – the cross-section of an external slope of a rampart along the north-south line

плоскостей. Следует заметить, что салтовские строители, по всей видимости, старались уменьшить трудозатраты, максимально используя приемлемые формы полученных ещё в каменоломне камней – слоистый характер песчаника позволял использовать без особо трудозатратной обработки широкие постели, получающиеся при расслоении геологических залежей. В результате последним обстоятельством диктовалась высота строительных блоков. В том случае, если и боковые поверхности были относительно приемлемы, их таковыми и оставляли, получая в результате экономию одновременно трудозатрат и добытой массы материала. Такой рационализм в подходе к

строительному материалу известен в истории архитектуры (Шуази О., 1937, с.208).

Под крайним из сохранившихся тесаных блоков была обнаружена песчаниковая подсыпка. Необходимо отметить, что только данные подпрямоугольные блоки были расположены непосредственно на погребённой дневной поверхности. Остальные камни были помещены на предварительно размещённую по трассе кладки глину. Таким образом, при сооружении внешней крепиды вала на изученном участке обработанные блоки укладывались непосредственно на погребённую или подсыпанную поверхность. Их устойчивость обеспечивалась обработанными плоскостями.

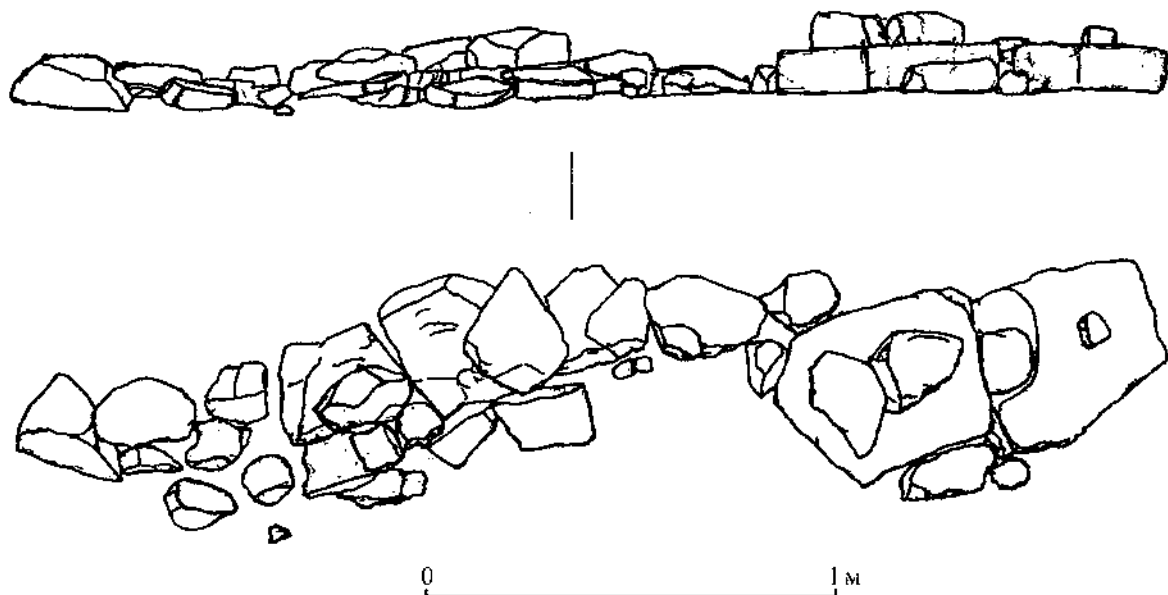

Рис. 10. План и профиль внешней крeпиды вала.

Fig. 10. The layout and section of the external krepida of a rampart

Рис. 11. Внешняя крeпида вала. Вид с запада.

Fig. 11. The external krepida of a rampart. A view from the west

Иногда при укладке таких блоков поверхность подсыпалась песком для устранения люфта ввиду частных случаев неплотного прилегания постели строительного модуля и подлежащей почвы. Выбор в качестве подсыпки именно песка диктовался характеристиками послед-

него ввиду его свойства, проявлявшегося в хорошем распределении нагрузки помещённой поверх постелистой кладки. Следует также сказать, что слоистый характер применённого в качестве строительного материала песчаника предполагал применение именно постелистой

кладки как наиболее технологически приемлемой и оправданной (Шуази О., 1937, с.186). Поэтому, прежде всего, именно характеристиками строительного материала определялись те или иные способы возведения архитектурных форм и во многом их внешний облик в том или ином регионе.

Рваные камни, использованные в конструкции внешней кладки, ввиду своей потенциальной неустойчивости помещались на глину, тем самым закрепляясь в ней и приобретая дополнительную прочность для сдерживания массы внешнего ската вала. Таким образом, фиксируется факт использования кладки из рваного камня с применением в качестве вяжущего раствора глины. Сам по себе такой строительный приём известен с глубокой древности и был распространен на Востоке (Шуази О., 1937, с.223).

По всей видимости, второй ряд кладки также закреплялся глинистым раствором, что было необходимо для повышения прочности конструктива, технологически призванного сдерживать давление грунтовой насыпи. Присутствие раствора в аналогичных конструктивных элементах прослеживалось на других салтовских городищах. Его состав мог отличаться и содержать вместо материкового глинозёма или глины алевролит, как на Мохначанском городище (Свистун Г.Е., Чендев Ю.Г., 2002/2003, с.133, 134), или примесь к чернозёму и глине мела, как на Волчанском городище (Колода В.В., 1995, с.39), но его применение как такового было обязательным элементом строительной технологии. Из истории архитектуры известно, что крепление отдельных строительных модулей (кирпича или камня) производилось, как правило, в обязательном порядке. И, если раствор для каменных блоков с плоскими постелями не применялся, крепление осуществлялось с помощью металлических скоб, специальных пазов, заливаемых свинцом, и т.п. (Шуази О., 1937, с.223). Без раствора могли сооружаться постройки из очень больших камней, которые задавали прочность сооружению своей массой (Шуази О., 1937, с.239). Поэтому ввиду отсутствия свидетельств вышеуказанных соединений модулей, к тому же не отличающихся большими размерами, нет оснований утверждать о применении кладок насухо на салтовских лесостепных памятни-

ках. Если в отдельных случаях исследователи и не находят явных следов раствора, это может лишь говорить о его вымывании, выветривании или составе, близком или аналогичном природным окружающим грунтам, который был использован в качестве вяжущего вещества, и визуально не фиксируемом на окружающем фоне заполнения раскопа.

Сохранившийся участок внешней кладки крепиды имеет один ряд блоков по вертикали. Хотя расположенные выше него отдельные камни позволяют предположить, что данный конструктив имел как минимум и второй ряд, разобранный и вынутый, скорее всего, в позднем средневековье для хозяйственных нужд. Салтовские лесостепные городища северско-донецкого региона, оборонительные линии которых устроены аналогичным образом в виде валов с «одеждами крутостей», имели внешние поддерживающие насыпь кладки, состоящие из двух или трёх вертикальных рядов камней и двух нижних и одного верхнего горизонтальных рядов. Такие конструктивы хорошо сохранились на городищах Мохначанском, Верхнесалтовском и Короповы (Коробовы) Хутора (Свистун Г.Е., 2007а, с.48, 51-53, рис.3-6, 1). Исходя из этого, вполне логичным будет предположить, что и на Чугуевском городище данный конструктивный элемент должен был составлять близкие к вышеупомянутым параметры. Исходя из расположения сохранившихся камней внешней крепиды, она состояла из внешнего ряда, сложенного, по всей видимости, из подпрямоугольных блоков, и внутреннего, сооружённого из рваного песчаника. Поверх лежали, скорее всего, подпрямоугольные блоки ввиду того, что они были лицевыми.

Следует особо отметить факт применения в кладке внешней крепиды наряду с обработанными подпрямоугольными блоками рваных камней. Учитывая в дополнение к другим признакам выявление наличия или отсутствия обработанных блоков в кладках фортификаций, городища относились, согласно типологии, предложенной Г.Е.Афанасьевым, к третьему или четвёртому типам, и на этой основе делались определённые выводы относительно строительных и архитектурных традиций и пр. (Афанасьев Г.Е., 1987, с.132-142). Исследованиями, проведёнными на северскодонецких

лесостепных памятниках до 90 гг XX в., обработанные каменные блоки были выявлены лишь на Верхнесалтовском городище. Следует сказать, что такие исследования фортификационных сооружений, за исключением Верхнесалтовского городища, проводились, главным образом, методом поперечного разреза линии обороны, позволявшего составить представление о строительных приемах лишь на узком – шириной в 1,0-2,0 м – отрезке конструктива. Более широкие в плане исследования оборонительных сооружений привели к выявлению, помимо Верхнесалтовской крепости, обработанных каменных блоков и на ряде других городищ: Волчанском (Колода В.В., 1995, с.40), Мохначанском (Колода В.В., Свистун Г.Е., 2001), Короповы Хутора (Колода В.В. и др., 2004, с.63, 64) и на рассматриваемом нами Чугуевском. Поэтому становится очевидным, что фиксация, в частности, наличия обработанных блоков во многом является вопросом приемлемой методики исследований фортификаций – узкие поперечные разрезы далеко не всегда позволяют составить объективную характеристику строительных и архитектурных особенностей фортификаций, при возведении которых использовались, помимо грунтовых, каменные и кирпичные, а также деревянные элементы. Методика исследований салтовских оборонительных сооружений, сочетающая стратиграфический поперечный разрез и планиграфическую расчистку прилегающих к нему кладок, была предложена В.С.Флёровым (Флёров В.С., 1994) и успешно опробована на восточном участке обороны Мохначанского городища (Колода В.В., Свистун Г.Е., 2001).

Внутренняя кладка

На расстоянии около 2,10 м от рассмотренной выше внешней кладки крепиды вала была расположена внутренняя. В отличие от внешней, она сохранилась на большей площади и прослеживалась в длину на протяжении около 15,0 м (рис.8, 12-14). Внутренняя кладка также была сложена из песчаника различной степени обработанности. Подпрямоугольные блоки размещались непосредственно на погребенной почве, рваные камни на отдельных участках укладывались в слой глинистого раствора, которым на всей исследованной площади кон-

структива также крепились и камни, расположенные непосредственно в толще кладки.

На участке, где были применены обработанные блоки, можно выделить два вертикальных ряда кладки – нижний соответствовал обработанным камням, верхний – рваным. Фиксировалось два ряда кладки по вертикали. Размеры обработанных каменных блоков составляли: 0,40×0,50×0,10 и 0,40×0,70×0,12 метра. Между этими каменными блоками были обнаружены фрагменты средневековых красноглиняных гофрированных амфор.

Кроме того, на дне расположенного рядом котлована позднесредневекового времени, частично нарушившего внутреннюю крепиду вала, находился обработанный песчаниковый блок размерами около 0,3×0,2×0,12 м, который, по всей видимости, также следует отнести к строительному материалу рассматриваемого конструктива.

Размеры самых больших фрагментов рваного камня не превышали 0,35 метра. На отдельных экземплярах фиксировались следы рабочей части долота. Ширина оставленных борозд составляла 7,0-8,0 мм, глубина – 0,3-0,5 мм при длине по поверхности камня от 8,0 до 12,0 сантиметров. Оставленные следы свидетельствовали о полукруглой в поперечном сечении рабочей части обрабатывающих инструментов. Аналогичные борозды долота на поверхностях камней известны на городищах Мохнач и Кочеток-I (Свистун Г.Е., 2005, с.9, рис.11, 2).

Отдельные рваные камни фиксировались на уровне нижнего ряда кирпичной кладки, размещённой по верху. При этом они были скреплены с нижними кирпичами единой массой глиняного раствора.

На расстоянии около 2,0 м в южном направлении в составе каменной кладки содержался фрагмент песчаникового жернова. Поверх кладки на небольшом расстоянии друг от друга были найдены два фрагмента одной красноглиняной средневековой амфоры.

Локально на участке, где был найден фрагмент жернова, с внешней стороны конструктива фиксировалась глиняная подсыпка, содержащая фракции обожжённой керамической массы. Она по своему составу была идентична мощному слою обожжённой глины (бруствера), который будет охарактеризован

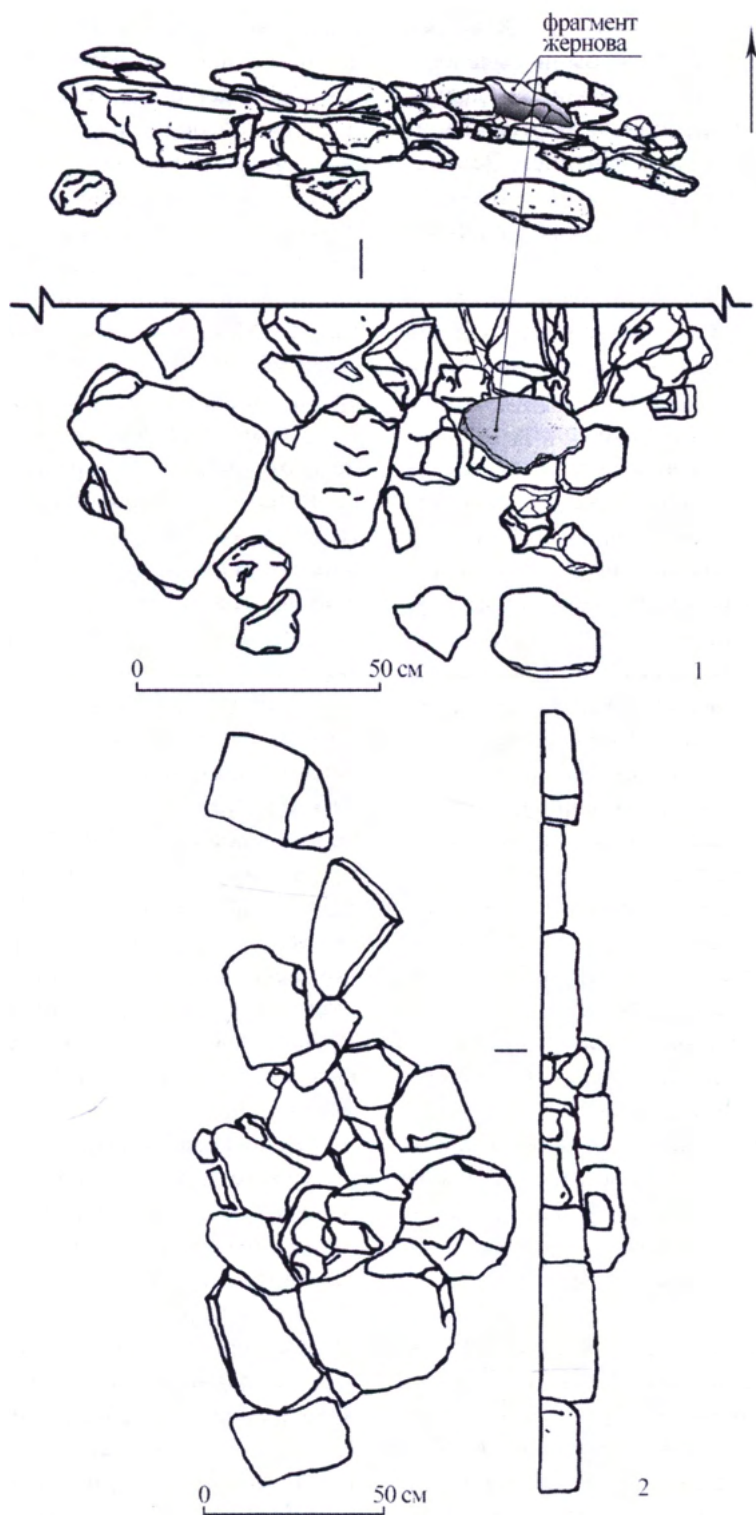

Рис. 12. Планы и профили участков внутренней крепиды вала: 1 – кладка, содержащая рваные камни и фрагмент жернова; 2 – кладка, содержащая рваные камни и подпрямоугольные блоки.

Fig. 12. The layouts and sections of sectors of the internal krepida of a rampart: 1 – the walling which contains ragged stones and a fragment of a millstone; 2 – the walling which contains ragged stones and rectangular-like blocks

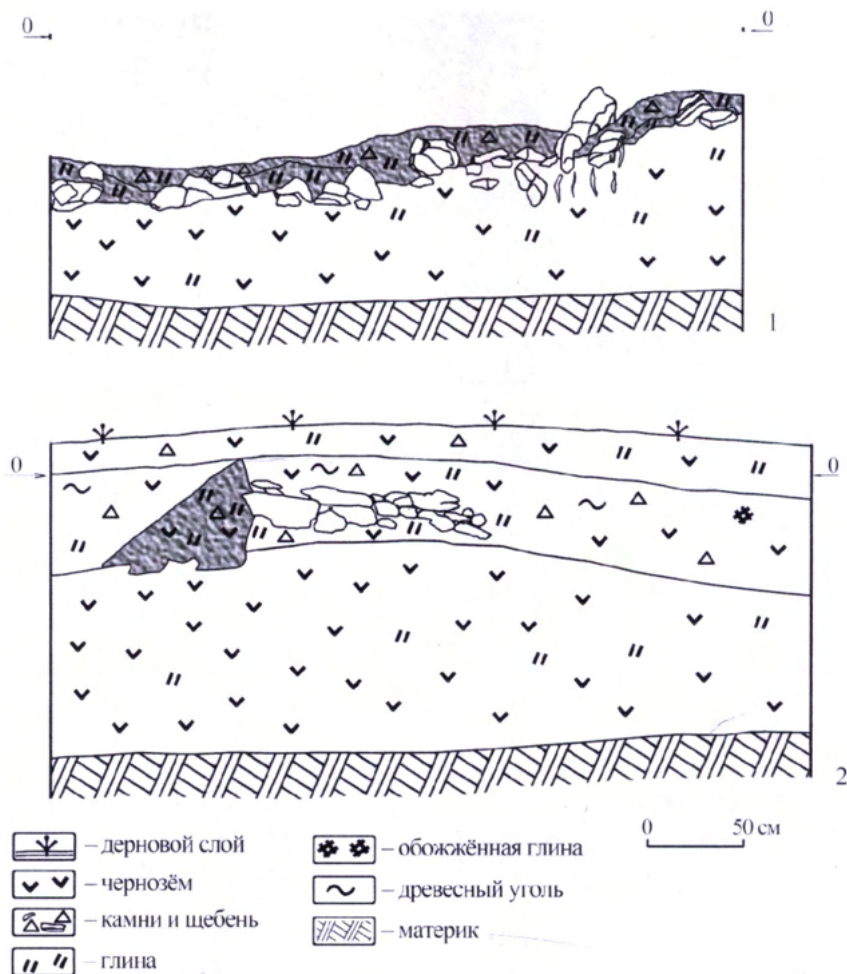

Рис. 13. Стратиграфические профили оборонительных сооружений Чугуевского городища: 1 – продольный разрез внутренней крепиды вала с остатками кирпичного бруствера; 2 – поперечный разрез внутренней крепиды вала с подпирющей подсыпкой.

Fig. 13. Stratigraphical sections of defensive structures of the Chuguiev hillfort: 1 – the longitudinal section of the internal krepida of a rampart with the remains of a brick parapet; 2 – a cross-section of the internal krepida of a rampart with propping up addition

ниже. Здесь лишь отметим, что рассматриваемая нами каменная кладка подлежала слою керамической массы на всей протяжённости фиксации последней.

Также в слое подсыпки фиксировались песчаниковый щебень и чернозём. Данная подсыпка свидетельствует, скорее всего, о неких ремонтных работах, призванных укрепить подлежащую брустверу каменную кладку-фундамент. Общая ширина кладки внутренней крепиды, служившей одновременно и фундаментом кирпичного бруствера, составляла 0,8-1,0 метр.

Валганг

С внутренней стороны к конструкции вала с каменными крепидами примыкала боевая площадка для размещения защитников, состоявшая из слоя глины мощностью около 0,20 м и шириной около 1,8 м, помещённого на чернозёмную подсыпку. На глину был уложен слой рваного камня, также скреплённого глиняным раствором. Данный слой камней служил, по всей видимости, в качестве брусчатки. Размеры самых больших фрагментов камня не превышали 0,35 метра. На

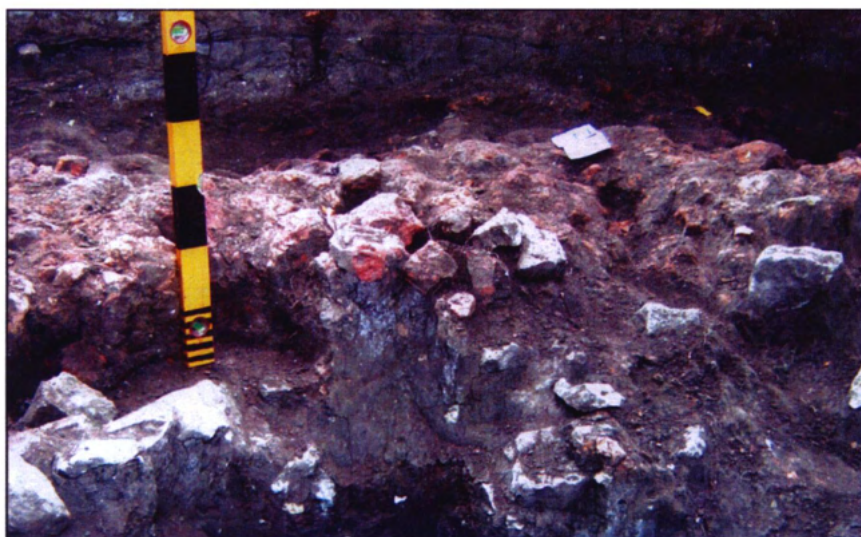

Рис. 14. Вид внутренней каменной крепиды с остатками кирпичного бруствера. Вид с запада.
 Fig. 14. The view of the internal stone krepida with the remains of a brick parapet. A view from the west

отдельных камнях были также выявлены сохранившиеся следы долота. Следы обрабатывающего инструмента аналогичны следам на камнях, происходящих из внутренней крепиды вала. Между камнями и поверх слоя встречались мелкие фрагменты салтовской столовой керамики и красноглиняных амфор. Три фрагмента раннесредневековой красноглиняной амфоры с гофрированной поверхностью стенок были найдены у восточного края кладки. Один из них находился на уровне древней дневной поверхности. Под слоями глины и рваного камня на уровне подошвы вала обнаружены фрагменты нижней части салтовского столового сосуда. Его стенки были украшены рядами волнисто прочерченных линий.

Бруствер

По верху внутренней каменной кладки вала фиксировалась керамическая масса, сложенная на глинистом растворе (рис.13, 14). Она залегала слоем общей мощностью около 0,20 м и состояла из сильно, но неравномерно обожжённых, грубо сформованных прямоугольных кирпичей. Выявленная кладка, помимо прочего, содержала в нижней части и отдельные рваные песчаниковые камни, что было отмечено выше.

Кирпичная кладка была во многих местах деструктурирована – в рядах не доставало модулей, а сама рядность частично нарушена. Кирпичи имели оплавленную нижнюю постель с приварившимся песчаниковым щебнем и древесным углем (обуглившейся щепы) (рис.15). На плоскостях данных строительных элементов фиксировались следы формовки в виде оттисков дощечек и многочисленные отпечатки соломы, деревянной щепы и фрагментов мелких веток, зёрен растений. По всей видимости, кирпичи были помещены в сыром виде на раскаленные древесные угли, что объясняет их деформацию, оплавление нижней постели и общий неравномерный обжиг – от слабой пропечённости до стекловидного состояния. Толщина отдельных фрагментов не была чётко выдержана из-за примитивной технологии, применённой при формовке и обжиге данного строительного материала. Она варьировалась даже в пределах отдельно взятого образца (к примеру, от 5,7 см до 7,8 см на различных участках отдельно взятого образца). Судя по сохранившимся фрагментам, формовка производилась в деревянных формах. Недостаточно просушенную сырцовую заготовку, плохо сохраняющую приданную ей форму, помещали на слой раскалённых древесных углей. Сырая масса быстро поглощала высокую температуру, прокаливаясь при этом до ярко-красного

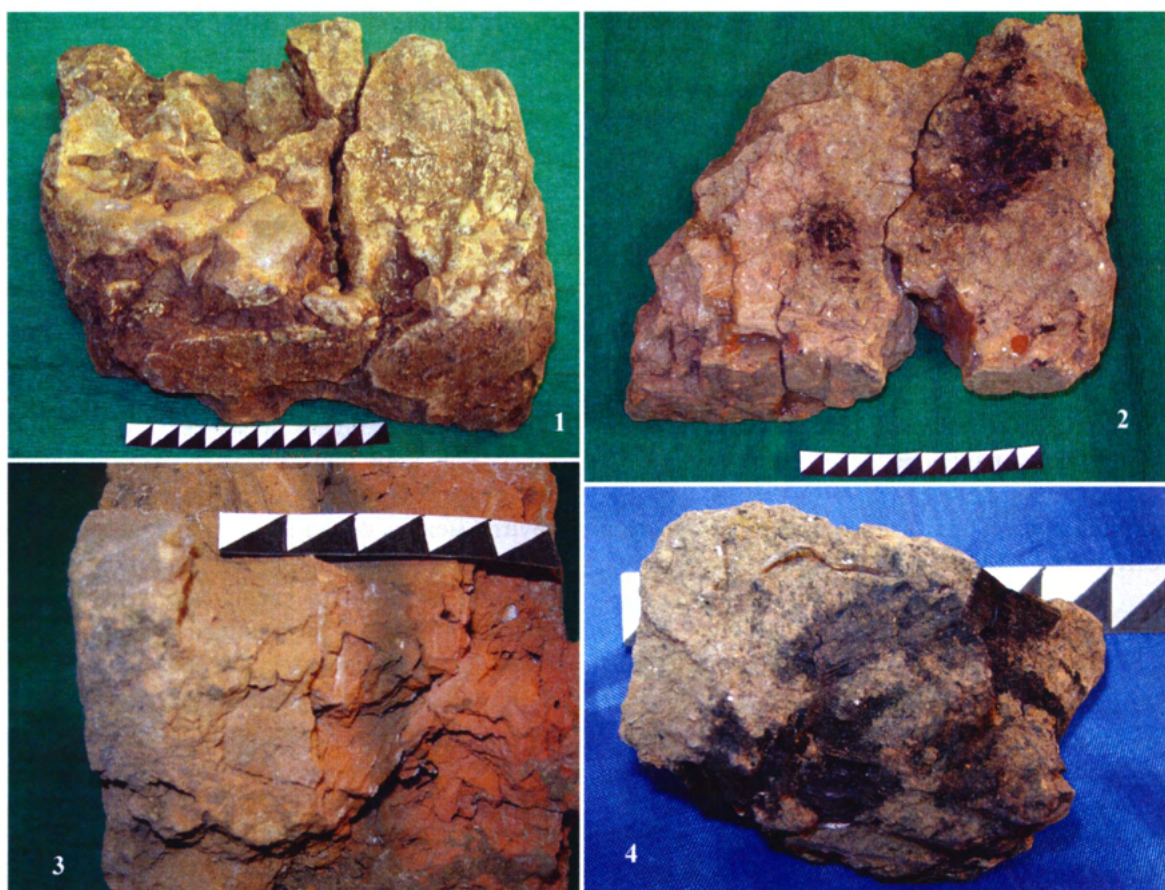

Рис. 15. Строительные материалы бруствера: 1 – оплавившаяся поверхность кирпича; 2 – фрагмент кирпича со следами приварившегося древесного угля; 3 – изменение степени пропечённости кирпича; 4 – фрагмент глинистого раствора с обуглившейся щепой.

Fig. 15. Building materials of the parapet: 1 – the melted surface of a brick; 2 – a fragment of a brick with traces of welded charcoal; 3 – a change in the baking degree of a brick; 4 – a fragment of clay grout with charred wood chips

цвета, а местами даже оплавляясь. При этом на еще сырой пластичной массе отпечатывались и запекались в ней тлеющие угли. Неравномерное пирогенное воздействие отмечалось явным пережогом нижних постелей и недостаточной термической обработкой верхних. Тесто внутри отдельно взятого модуля, как правило, имело черно-серый цвет. На поверхности, в силу термического воздействия, цвет изменялся от светло-коричневого до оранжевого.

В целом толщина выявленных фрагментов составляла около 8,0 см при общем разбросе параметров отдельных образцов от min 5,7 до max 8,5 сантиметров. К сожалению, в пределах раскопа, заложенного на Чугуевском горо-

дище, не удалось зафиксировать ни одного целого кирпича. Плохое качество строительных модулей привело к тому, что на сегодняшний день практически все выявленные кирпичи были растрескавшимися. Наибольшие размеры длины и ширины фрагмента данного строительного материала на примере отдельно взятого образца составляли 21,0×18,0 сантиметров. Лишь единичные экземпляры позволяли после скрепления отдельных частей, на которые они раскололись, произвести замеры поверхностей постелей искусственного строительного материала. Таким образом, было установлено, что один из параметров (длина) кирпича составлял 21,0 сантиметр.

Кирпичи были сложены, как и каменные кладки, на глиняном растворе. Общая ширина выявленной кладки составляла около 0,8 метра.

Фрагментами данных кирпичей был обложен периметр выявленного в непосредственной близости и исследованного котлована позднесредневековой крепости (Свистун Г.Е., 2005, с.24, 25, рис.69, 1, 72, 1-6), что подтверждает сведения, приводимые Филаретом о том, что нижняя часть оборонительных сооружений Чугуевской крепости была обложена кирпичом (Филарет, 2005, с.171). По всей видимости, раннесредневековый кирпич в конструкции крепости XVII-XVIII вв. использовался для осуществления дренажа (Бучастая С.И. и др., 2009, с.622).

Реконструкция оборонительных сооружений.

Характеристика строительных приемов и материалов

Проведённые исследования северо-западного участка оборонительных сооружений Чугуевского городища позволяют представить их общий архитектурный профиль, охарактеризовать применённые строительные приёмы, призванные осуществить заданные защитные характеристики, и предложить вариант реконструкции.

Данное сооружение представляло собой вал с панцирными выкладками из песчаника как извне конструкции, так и с внутренней ее стороны (рис.16). Внешний и внутренний панцири-крепиды состояли из двух рядов по вертикали обработанных каменных блоков и рваных камней, скреплённых вязущим глиняным раствором. Ширина и высота внешней крепиды составляла около 0,8 и 0,20-0,25 м соответственно. Внутренняя крепидка имела высоту около 0,2-0,25 м при ширине около 0,8-1,0 метр. На одном участке – в месте зафиксированной раскопками поддерживающей подсыпки – ширина доходила до 1,2 метра. Но, по всей видимости, это является исключением из правила ввиду аварийного расползания кладки, остановленное с помощью подсыпания подпорки. Упомянутая подсыпка может свидетельствовать, помимо факта ремонта

конструкции, о нахождении её поверх внутренней грунтовой засыпки вала. Но, учитывая стратиграфическую характеристику, более вероятным объяснением данному факту может служить поэтапность строительства оборонительного сооружения: сначала возводились каменные крепиды с внешней и внутренней стороны будущего вала, а затем в пространство между сложенных на глиняном растворе камней насыпалось грунтовое наполнение. Наличие в поддерживающей каменную кладку со стороны внутривального пространства подсыпки керамической массы, аналогичной по составу кирпичам бруствера, может свидетельствовать в пользу того, что до помещения грунта между каменными крепидками поверх внутреннего панциря сооружался и бруствер. По всей видимости, увеличение нагрузки на каменную кладку внутренней крепиды, сложенную на глиняном растворе, и привело к наметившемуся ее разрушению, вызвавшему необходимость укрепления с помощью подсыпанной подпорки.

При сооружении внутренней крепиды был использован и фрагмент жернова, изготовленного из твёрдого качественного песчаника, что также может свидетельствовать о дефиците качественного строительного материала.

Перед возведением кирпичного бруствера была сооружена боевая площадка-валганг с внутренней стороны внутренней крепиды. На это может указывать отсутствие фракций обожжённого кирпича ниже уровня конструкции брусчатки, уложенной на глиняном растворе. Таким образом, перед сооружением бруствера были подготовлены подходы к строительной площадке, требовавшей, по сравнению с конструкциями крепид, большей трудоёмкости, выразившейся в объёме уложенного в кладку строительного материала (кирпичей и глиняного раствора) и требующегося для этого времени.

Внутреннее заполнение вала состояло из чернозёмно-глинистого мешаного грунта, который, скорее всего, был взят с внешней (относительно оборонительного сооружения) стороны. Он не имел включений салтовских артефактов, находки которых, тем не менее, отмечались с внутренней стороны сооружения. А это может свидетельствовать о том, что территория перед фронтом оборонительного

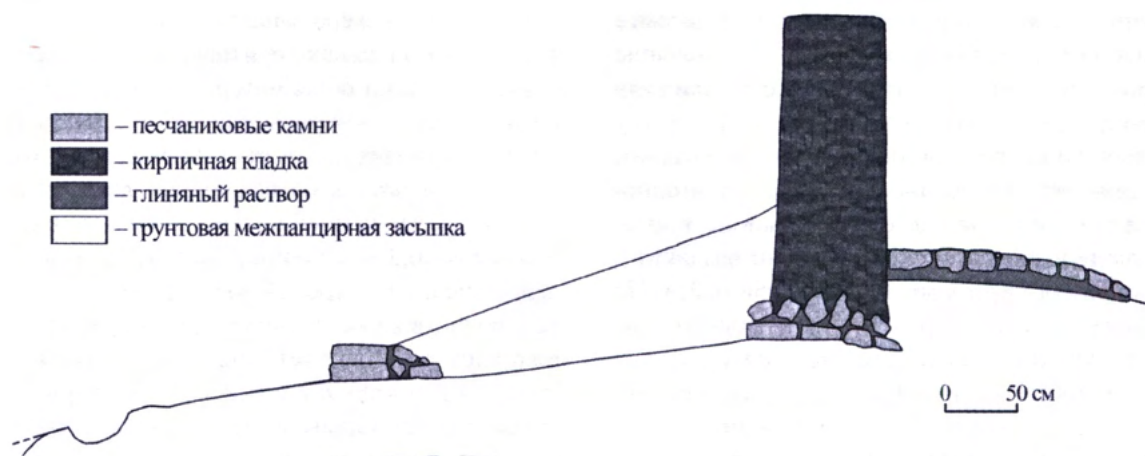

Рис. 16. Вариант реконструированного архитектурного профиля оборонительного сооружения Чугуевского городища.

Fig. 16. A variant of the reconstructed architectural profile of the Chuguiev hillfort fortifications

вала подвергалась земляным работам – перепланировке под нужды системно продуманной линии обороны.

Как уже отмечалось, внутренняя каменная крепида вала служила одновременно и фундаментом для бруствера, изготовленного из уложенного на глиняном растворе кирпича. Тип кладки доподлинно установить затруднительно, но она, несомненно, носила порядовый постельный характер без видимой системной связи между рядами. Длинной стороной кирпичи были размещены вдоль продольной оси оборонительных сооружений. С подлежащим каменным фундаментом кирпичная кладка составляла единое целое, связанное глиняным раствором. Следует также сказать, что кирпич обычно изготовлялся древним населением как заменитель камня из-за отсутствия достаточного количества или ненадлежащих характеристик последнего. Плохое качество песчаникового камня в данном регионе диктовало создание архитектурных форм, которые учитывали специфику и доступность местных строительных материалов и условий для его добычи или изготовления (доступность геологических пластов для добычи камня, наличие достаточного количества топлива и подходящих глин для производства кирпича, наличие опыта производства и трудовых ресурсов). В связи с этим следует напомнить, что возведение трудоёмких сооружений общественного

назначения может быть успешно осуществлено при наличии сильного организующего начала (Шуази О., 1937, с.7).

Кирпич-сырец не применялся, по всей видимости, ввиду недостаточной его прочности. Именно в стремлении увеличить прочность и долговечность возводимого конструктива и был предпринят его обжиг. Конструкция бруствера составляла ширину около 0,8 м и достигала высоты, вероятно, близкой к росту защитников укрепления от уровня поверхности валганга.

Таким образом, ввиду либо малодоступности каменных выработок, либо недостаточного качества известных строителям песчаниковых залежей бруствер оборонительного сооружения был изготовлен из обожжённого кирпича. При строительстве укреплений Чугуевского городища было отдано предпочтение технологически сложному процессу изготовления керамических строительных модулей. Он требовал, помимо разнообразия этапов его производства (добыча и доставка сырья, смешение глины с добавками путем замеса, заготовка топлива и его доставка, изготовление формочек, формовка модулей, их обжиг и т.д.), наличия навыков качественного производства керамических строительных материалов. Но последним салтовское население на Чугуевском городище, как видим, в достаточной степени не владело. И тем более

значимым является тот факт, и тем весомее должны были быть причины, заставившие строителей отдать предпочтение данному строительному материалу. Аналогии этому инженерному решению нам известны на Дону. К примеру, вследствие отсутствия пригодного для строительства камня в районе Саркела данную крепость было решено воздвигать из кирпича (Артамонов М.И., 1958, с.25). Но наладить его качественное производство для вышеуказанной крепости местному населению помогли византийские мастера. Характеристики кирпича Чугуевского городища могут свидетельствовать о знакомстве строителей, скорее всего, с производством кирпича-сырца, широко применявшегося в регионах с относительно малыми атмосферными осадками и с дефицитом топлива для обжига строительных модулей. Природные условия лесостепи позволяли использовать достаточное количество древесины, а требования к конструкции бруствера выдвигали необходимость задания ему достаточно большой прочности. Поэтому, не имея альтернативы относительно приемлемого строительного материала при условии имевшихся навыков и культурных традиций, строители, по-видимому, были вынуждены прибегнуть к малознакомому им технологическому процессу обжига. Вышеизложенное может свидетельствовать о приходе строителей укреплений городища из регионов, имеющих: а) дефицит топлива в виде больших массивов лесов; б) глинистые почвы в сочетании с нагорьями либо горами (учитывая наличие в строительной технике применения камня и размещения построек на поверхности почвы без фундамента в привычном нам понимании). Такими характеристиками, к примеру, обладают области в Иране, где указанные материалы являются основным строительным материалом (Шуази О., 1937, с.123). Безусловно, вопросы происхождения выявленных строительных технологий должны стать темой отдельного глубокого анализа. Мы в рамках данной работы можем лишь констатировать факт их привнесения на территорию лесостепи извне с определенным вероятным вектором в географическом пространстве прямого или косвенного влияния.

В итоге, произведя анализ полученных данных, можно представить оборонительные

сооружения в северо-западном секторе Чугуевского городища как грунтовый вал с каменными крепидами общей шириной около 4,0 м (ширина грунтовой засыпки между внутренними краями крепид составляла около 2,10 м). К нему примыкала боевая площадка-валганг – пласт рваных камней в слое глины – мощностью около 0,3 м и шириной около 1,8 метра. Перед внешней стороной вала проходила берма с водоотводным ровиком, за которым располагался ров. Следует также отметить особенность конструкции ровика. Выброс грунта во время его выкапывания, по всей видимости, осуществлялся во внутреннюю сторону, создавая дополнительное препятствие падению водных потоков образовавшимся валикообразным возвышением. Таким образом, сооружения линии обороны составляли в ширину (вглубь внутренней площади городища) не менее 8 метров. Мощность внутренней засыпки вала, определенная по подошве кирпичного бруствера, составляла у внешней крепиды около 0,3 метра. По всей видимости, внутренняя крепида вместе с нижней частью бруствера была покрыта грунтовой насыпью вала. Аналогичным образом в стратиграфическом отношении был устроен валганг, расположенный выше подошвы бруствера. Следует также отметить, что валганг по внешнему краю имел уклон в сторону внутренней площадки городища, переходя, таким образом, в пандус.

Учитывая высоту конструкции бруствера, общий перепад высот от уровня фронтальной стороны внешней крепиды оборонительного сооружения составлял около 2,5-2,6 метра. Перепад высоты бермы, имевшей уклон в сторону рва, исходя из сохранившегося участка (эрозия, подчистки в позднем средневековье), обеспечивал господствующую высоту уровня ведения огня не менее 3,0 метров.

Относительно небольшая высота оборонительных сооружений компенсировалась значительным возвышением мысовой площадки, на которой расположено городище. Поэтому, если даже принять, что глубина рва на исследуемом участке как минимум удваивала общий перепад высот оборонительного рубежа (обычно для салтовских лесостепных городищ), то характеристика мощности системы обороны является вполне приемлемой. Ввиду незначительной высоты насыпи вала основная

нагрузка при обеспечении обороны рассматриваемого сооружения со всей очевидностью возлагалась на бруствер, что дополнительно объясняет усилия строителей, направленные на поиск наиболее прочного материала для его возведения в рамках своих культурных традиций.

На восточном участке обороны Чугуевского городища (со стороны поймы), учитывая характер выходящих на поверхность аналогичных строительных материалов, оборонительные сооружения, по всей видимости, во многом были схожи по конструкции с исследованными в северо-восточном секторе крепости.

Заключение

На основании данных, полученных в процессе проведенных археологических исследований оборонительных сооружений Чугуевского городища, можно сделать вывод, что традиции, проявившиеся в применении строительной техники и принципов организации обороны, во многом находят аналогии на других салтовских памятниках северскодонецкого региона. Это, прежде всего, отсутствие в линии обороны фланкирующих башен и одинаковое профилирование конструкции – вал с крепидами склонов и надвальным бруствером. Подобный профиль, по всей видимости, имело и Красное городище, расположенное в верховьях Тихой Сосны, с тем лишь отличием, что вал был выполнен в виде сплошной кирпичной кладки (Свистун Г.Е., 2007а, с.50, 53, рис.6, 2).

Отличительной чертой, выделяющей Чугуевское городище среди известных северско-

донецких городищ, является наличие в строительной конструкции фортификации обожжённого кирпича.

Вышеприведённые данные подтверждают, что определяющими факторами инженерного решения укреплений городищ в салтовской лесостепи являются характеристики природно-географических условий в синтезе с этнокультурными традициями строителей. То обстоятельство, что в лесостепной части долины Северского Донца локализуется ареал памятников оборонительного зодчества, брустверы которых изготавливались из керамических материалов (кирпича на Чугуевском городище; обожжённых аморфных строительных элементов на городище Короповы Хутора; обожжённой, скорее всего, монолитной, керамической массы на городищах Верхне-салтовском, Кабановом, Кочеток-1) (Свистун Г.Е., 2009б, с.477), даёт возможность предположить их связь с этнокультурной группой, оставившей свой погребения по обряду кремации, ареал которой очень близок к указанным укреплениям. Данные могильники и отдельные захоронения известны в таких пунктах как Сухая Гомольша, Лысый Горб, Новая Покровка, Кочеток (на территории интерната и Чугуево-Бабчанского лесничества), Тополи, Кицевка, а также в составе биритуальных могильников Красная Горка и Пятницкое (Аксёнов В.С., 2003; Аксёнова Н.В., 2006; Пьянков А.В., Тарабанов В.А., 2008; Свистун Г.Е., 2009а, с.84-90; Лаптев А.А., 2010). Факт пространственно-географической близости указанных групп салтовских памятников, по нашему мнению, заслуживает внимания. Характер и степень этой возможной культурной связи требует отдельного большого и долгосрочного исследования.

Литература и архивные материалы

- Аксёнов В.С., 2003. К вопросу интерпретации некоторых комплексов Маяцкого селища// Проблеми історії та археології України. Збірник доповідей міжнародної наукової конференції до 100-річчя ХІІ археологічного з'їзду в м. Харкові 25-26 жовтня 2002 року. Харків.
- Аксёнова Н.В., 2006. Этническая принадлежность погребений по обряду кремации в среде салтово-маяцкой культуры (на примере биритуальных могильников)// Проф. д.и.н. Тотю Тотев и столицата Велики Преслав. Материали от юбилейна кръгла маса. Шумен, 22-23 декеври 2005 г. София.

- Артамонов М.И.**, 1958. Саркел – Белая Вежа// МИА. № 62.
- Афанасьев Г.Е.**, 1987. Население лесостепной зоны бассейна среднего Дона в VIII-X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры)// Археологические открытия на новостройках. Вып.2. М.
- Бабенко Л.И.**, 1996. Отчёт о работе археологической экспедиции Харьковского исторического музея в полевом сезоне 1996 года// НА ИА НАН Украины, № 1996/64.
- Багалей Д.И.**, 1886. Материалы для истории колонизации и быта окраины Московского государства. Харьков.
- Багалей Д.И.**, 1905. Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губернии// Труды XII Археологического съезда. Т.1. М.
- Бучастая С.И., Свистун Г.Е., Шевченко О.А.**, 2009. Планировка и конструкция фортификаций Чугуевской крепости: сравнительный анализ археологических и письменных источников// Stratum plus. № 5. 2005-2009. Санкт-Петербург, Кишинёв, Одесса, Бухарест.
- Воссоединение Украины с Россией**, 1953. Документы и материалы в 3-х томах. Т.1. М.
- Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным археографическою комиссиею**, 1875. Т. IX. СПб.
- История городов и сел Украинской ССР**, 1976. Т. Харьковская область. К.
- Книга Большому Чертежу**, 1950. М.; Л.
- Колода В.В.**, 1995. Оборонительные укрепления Волчанского городища// Материалы Международной научной конференции, посвящённой 600-летию спасения Руси от Тамерлана и 125-летию со дня рождения И.А.Булнина. Елец.
- Колода В.В.**, 2000. Отчёт об археологических исследованиях Средневековой археологической экспедиции ХГПУ им. Г.С.Сковороды в с.Мохнач на Харьковщине// НА ИА НАН Украины, № 2000/95.
- Колода В.В., Свистун Г.Е.**, 2001. Отчёт о работе особого отряда Средневековой археологической экспедиции ХГПУ им. Г.С.Сковороды в с.Мохнач на Харьковщине// НА ИА НАН Украины, № 2001/28.
- Колода В.В., Крыганов А.В., Михеев В.К., Ряполов В.М., Свистун Г.Е., Тортика А.А.**, 2004. Отчёт о работе Средневековой экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2004 году// НА НИАЛ ХНПУ им. Г.С.Сковороды. Харьков.
- Лаптев А.А.**, 2010. Новый кремационный могильник салтовской культуры у с.Кицевка Печенежского района Харьковской области// Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VII Международной научной конференции (Харьков, 28-29 октября 2010 г). Харьков.
- Ласковский Ф.**, 1865. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч.3. СПб.
- Никитенко А.В.**, 1904. Записки и дневник в 2 томах. Т.1. СПб.
- Пассек В.В.**, 1840. Границы Южной Руси до нашествия татар// Очерки России, издаваемые В.Пассеком. Т.2. М.
- Плетнёва С.А.**, 1954. Отчёт о работе Северо-Донецкого отряда Таманской экспедиции ИИМК АН СССР летом 1954 году// НА ИА НАН Украины, № 1954/24.
- Плетнёва С.А.**, 1957. Отчёт к открытому листу № 8 Северо-Донецкого отряда Южно-Русской экспедиции за 1957 год// НА ИА НАН Украины, № 1957/17.
- Плетнёва С.А.**, 1975. Половецкая земля// Древнерусские княжества X-XIII вв. М.
- Плетнёва С.А.**, 1990. Половцы. М.
- Природа и население Слободской Украины.** Харьковская губерния, 2007. Харьков.
- Пьянков А.В., Тарабанов В.А.**, 2008. Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени// Древности Юга России. Сборник памяти А.Г.Атавина (1954-2004). М.
- Разрядная книга 1475-1598 гг.**, 1966. М.

- Свистун Г.Е., 2005.** Отчёт об археологических раскопках и разведках в лесостепной зоне долины Северского Донца в 2005 году// НА ИА НАН Украины, № 2005/34.
- Свистун Г.Е., 2006а.** Отчёт о работе Северскодонецкой археологической экспедиции Художественно-мемориального музея И.Е.Репина в 2006 году// НА ИА НАН Украины, № 2006/30.
- Свистун Г.Е., 2006б.** Чугуевское “гнездо поселений” салтово-маяцкой культуры// Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения В.П.Левенка (13-16 ноября 2006 года). Липецк.
- Свистун Г.Е., 2007а.** К вопросу о строительном материале и архитектуре салтовских лесостепных городищ бассейна Северского Донца// Харьковский археологический сборник. Вып.2. Харьков.
- Свистун Г.Е., 2007б.** Отчёт о работе Северскодонецкой археологической экспедиции Художественно-мемориального музея И.Е.Репина в 2007 году на территории г.Чугуева// НА ХММ И.Е.Репина. Ф. № 14. Описание № 1. Дело № 7. Харьков.
- Свистун Г.Е., 2008.** Фортификации Кабанова городища// Харьковский археологический сборник. Вып.3. Харьков.
- Свистун Г.Е., 2009а.** Отчёт о проведении охранных археологических исследований на Чугуевском городище и Кочетокском могильнике в 2009 году// НА ХММ И.Е.Репина. Ф. № 1. Описание № 1. Дело № 8. Харьков.
- Свистун Г.Е., 2009б.** Фортификация городища Верхний Салтов// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.7. Хазарское время. Донецк.
- Свистун Г.Е., 2010.** Археологические исследования позднесредневековой Чугуевской крепости// Заповідна Хортиця. Матеріали IV міжнародної науково-практичної конференції “Історія запорозького козацтва в пам’ятках та музейній практиці”. Спеціальний випуск. Запоріжжя.
- Свистун Г.Е., Чендев Ю.Г., 2002/2003.** Восточный участок обороны Мохначанского городища и его природное окружение в древности// АЛЛУ. № 2/№ 1. Полтава.
- Свистун Г.Е., 2001.** Конструктивні особливості салтівської оборонної лінії Мохначанського городища// АЛЛУ. № 2. Полтава.
- Статистическое описание** и история Чугуевского уланского полка 1835 г., 1835// РГВИА. Ф. № 405. Описание № 1. Ед. хр. № 46. М.
- Филарет, 2005.** Историко-статистическое описание Харьковской епархии в 3-х томах. Т.2. Харьков.
- Флёров В.С., 1994.** Верхне-Ольшанское городище и проблема методики раскопок белокаменных крепостей салтово-маяцкой культуры// Историко-культурное наследие. Памятники археологии Центральной России: охранное изучение и музеефикация. Рязань.
- Хлебников Б.В., 1893.** История 32-го драгунского Чугуевского Её Величества полка 1613-1893. СПб.
- Шрамко Б.А., 1953.** Отчёт об археологических разведках и раскопках Харьковского государственного университета в 1953 году// НА МАЭСУ. Ф. № 1. Описание № 1. Дело № 4а. Харьков.
- Шрамко Б.А., 1962.** Поселення скіфського часу в басейні Дінця// Археологія. Т.ХІV. К.
- Шрамко Б.А., Михеев В.К., Грубник-Буйнова Л.П., 1977.** Справочник по археологии Украины (Харьковская область). К.
- Шуази О., 1937.** История архитектуры. Т.І. М.

Summary

G.Ye.Svistun (Kharkov, Ukraine)

FORTIFICATIONS OF CHUGUIEV HILLFORT

In the early Middle Ages fortifications of the Chuguiev hillfort the traditional designs characteristic of the building skills of the Saltov population combined with the construction methods developed during their residence in the Severskiy Donets valley were used. A synthesis of traditional methods and innovative approaches while fortifying the Chuguiev fortress was prompted by the nature of available building materials and the goals of their defence strategy which was to be anticipated during the expected enemy's warfare. Defensive structures were made of stone and brick and looked like an unpaved rampart with stone blocks on its slopes and a brick parapet on top. Defence of the Chuguiev hillfort was organized by the fosse-rampart and escarp-rampart principle.

Most likely, the fortress had no towers, which made the flanking fire along the defensive barriers impossible. This feature permits a conclusion that the purpose of the fortress was to control crossing over water and serve as a shelter for people who lived in the nearby open settlements in case of an assault of hostile nomadic detachments.

It is noteworthy that the sites of the Saltov-Maiaki hillforts with ceramic parapets are spatially and geographically located close to cremation burial places. The paper offers a variant of reconstruction of the Chuguiev hillfort fortifications.

Статья поступила в редакцию в апреле 2011 г